

III.
 — Подина Викторовна! Вас тут спрашивают... — Алевка заглянула в дверь и, оборотившись, крикнула кому-то в коридоре: — Проходите, засье она.
 Вошла Петровская. Полина всколыхнула.
 — Александра Матвеевна! Что случилось?
 — Борис не ночевал дома. Меня вызывают в школу. Нет сил перенести...
 — Что он вам сказал?
 — Какой-то постылый посыл. Оскорбил Инну Фадееву.
 Полина дернула пальто с вешалки:
 — Идите!
 Петровская захлопала руками.
 — Не могу. Просто не знаю, что там со мною будет.
 — Хорошо. Ждите меня здесь.
 Четвертая школа распологалась в типовом здании, поэтому Полине Викторовне не составило большого труда быстро отыскать кабинет директора. Навстречу ей из-за стола поднялся невысокий полный мужчина. Он смотрел на нее с выраженным интересом, как будто пытался что-то вспомнить, но это ему никак не удавалось. Ямщикова представилась, добавив, что мать Петровской неслучайно и сама принята не может. Болезненная гримаса проскользнула по лицу мужчины.
 — Да, знаете ли, неприятная история. Инна Фадеевна подняла большой шум. Коллектив взмушенил. Придется созвать педсовет. И это в самый关键 момент! — Директор был бесконечно удручен случившимся.
 — Да, но что же все-таки произошло?
 — Без самого энтузиазма директор повелел ей, что после урока физкультуры четверо детей-классников (Виз подумывали только — взрослые мужчины) напильник поверх борз красные спортивные трусы и в таком виде явились на урок Инны Фадеевны. Полина показало, что ее собеседник повторяет чьи-то слова и даже интонации проскальзывают чужие. Она представила четверых всклокоченных облезловатых у которых из-под пиджаков выглядывали красные полоски трусов, и не могла — не улыбнуться.
 — Озорство...
 — Конечно, — оживился директор. — И я так считал. И многие из нас. Но... — он сразу же свел дело к делу и стал очень серьезный хол. Есть предложение снизить годовые оценки по дисциплине и даже не допустить до экзаменов.
 — Борис Петровский? Что — и он тоже вырядился подобным образом?
 — В чем-то и дело. Сам-то ося, не спрашивайте. Спрошуйте ребят — и в кусты. — И опять пролезались чужие интонации. — Гас уж им было самим до такого додуматься! А Петровский — он из места классному руководителю.
 — Нет, что-то тут явно не так, — думала Полина Викторовна. — Не тот характер, чтобы вытирала шкодит. Гордец эткий, да он никогда бы не снизошел до подобной пакости.
 — Помышлите! Это они так сказали?
 — Кто они?
 — Эти самые... в красных трусах? — она засмеялась.
 Директор улыбнулся тоже:
 — Как же, скажут они!
 — Но откуда же? — Полина всколыхнула, не скрывая удивления. — Откуда у вас эти сведения насчет Бориса Петровского?
 — Как откуда? — директор удивился в свое отечество, — у меня, мол, некто? — Инна Фадеевна утверждает. Она должна знать.
 — И вы не усомнились?
 — Боже мой! — директор вытаращил платок и вытер потное лицо. — Да этот Петровский! Он же он так оскорбил Инну Фадееву! Членку — и такое сказать в глаза учителю: «Вы — несправедли-

вый и злой человек!»
 Полина с недоумением смотрела на стоящего перед ней человека.
 — Оскорбил? — покачала головой. — Да знаете ли, если ученики говорят такое учителю, тому надо немедленно уходить из школы.
 Директор от этих слов приоткрылся: — Знаете, замалал руками:
 — Что вы! Как можно! Инна Фадеевна — наш лучший педагог.
 — Отсюда и все беды. — она наклонила голову. — Прошайте! — Но, открыв дверь, призналась: — Знаете что? Человек я, как видите, восторженный, но, честное слово... подумайте сами — какое же это оскорбление — злосчастные эти трусы! Ребечество, дурость натуральная! Ну как-нибудь их там, наверное, стоит поучить. Да пусть бы извинились и ушли перед Инной Фадеевной. А ей, между прочим, тоже следует извиниться.
 — Перед кем же?
 — Перед Борисом Петровским. Посоветуйте ей. Это лучший выход. Между прочим, в вешенку сведению, Борис Петровский не ночевал дома. И никто не знает, где он сейчас, — нанесла этот последний удар, она вышле.
 — Скоро двенадцать. И откуда она взяла, что он обязательно ей объявится, ждали родная мать о нем ничего не знает? Все! Надо ложиться спать!
 Полина вытаращилась из тумбочки постель, собралась скинуть хаат, как слабо звякнул звонок.
 — Вышла! — обесседелно принахлестала к косынку.
 Стоит Борька, цыпала длинноногий, взоросшийся, помятый, нематая физиономия мрачнее тучи. Полина затащила его в коридор, сунула в руки телефонную трубку:
 — Звонил, полдень, матери!
 Бурынд в трубку:
 — Мам, ты не волнуйся... Сдернула с красавца куртку, затолкала в ванную:
 — Моей!
 Вышла посвежевший, только глаза провалены.
 — Ночевал-то где?
 — В аэропорту. — Отскакивая бы тебя за твои красивые куртки!
 Чай пей! Колбаса вот, леб довай. Ну чего смотришь? Ешь, кому говорят!
 Встала над ним, скрестила руки: ну, что, мол, скажете уроженецкого, молодой человек?
 А смолодой человек поерзал в нерешительности и изрек:
 — Дадте взаимн пытается рублей?
 Час от часу не легче! Хотя такого оборота и следовало ожидать при сложившихся обстоятельствах. Неурядицы в школе, дома — дуй на БАМ или в Антарктиду. Недавно нечто похожее демонстрировалось по телевидению. Вот Борька и решна извлечь урок. Подтащула ногой табурет — сета парити:
 — Звезч тебе — скажи нямилость?
 — Дадте или нет? — и глаза сузил, — будто стрелять изготавился. — Ага! — и в восторженном торжестве: так, мол, я и знал — все ва, взоросле, только на кра-чане сло вечки мастера, а если мларуче, так и знала! — И вы не хвяти! — Чо, скажес: сейчас у вас делег ит? Или еще что? — Вскочил. Губы сложи в язвительно ведакую улыбку. Расслаивается издевательски: — Прошайте! Извините, что обеспокоил.
 Полина — откуда сила вышла! — толкнула его с маху на табуретку, и молча вышла

из кухни. Вечера она получила аванс — семидесять рублей. Деньги — не успела вынуть — так и лежали в сумке. Забрала сумку, вернулась на кухню, достала деньги, не торопясь, пересчитала, отдала пять розовых бумажек. И все это молча, не произнесла ни звука. Борис испуганно наблюдал за ее манипуляциями.
 — Я... Вы... — начал было, но Полина не стала его слушать.
 — Здесь ровно пятьдесят. Хватит? Или еще добавит?
 — Ха... хватит... — прощелась обреченно. Не ждал он, признаться, такого оборота. Уставился потерю на бумажки, лежащие на кухонном столе, потому как просьба была, пожалуй, не чем иным, как неосознанной провокацией.
 — Что ж ты? Забирай.
 — Я... я не знаю...
 — Забирай-забирай! И ка-тись на все четыре стороны!

даль в драку. А чтобы набраться мужества и промочить — до этого ты не мог додуматься?
 — Мужества? Да это же... это трусость!
 Как они, однако, молодые, боится, что их обманят в трусости! И из-за этого способны на любые безрасудства.
 — Нет, Борь, Иногда, чтобы смолчать, нужно больше мужества и силы, чем ответить дерзостью.
 Молчи, сморгни на нее воспаленными глазами.
 — Видный ли, Борис, остань зто, чтобы оно не росло, как снежный ком, замкнуть сто на себе, не перерывай обидчку, — это куда труднее. И благороднее. Понимашь? Тебя обидли. А ты не обижай! Не возвращай обидчку его зта.
 — Ага! Меня — так значат можно унизить?
 — А ты не унизай!
 — Нишь вы как? Да меня

Зинаида Чигарева

СПЕДИТЕ БОРЯ

Куда ты там собрался?
 Молчи, шлопай, размазывает пальцем по клеенке пролитый чай...
 — Ну хоть скажи тесера: из-за чего весь сыр-бор?
 — Не из-за чего.
 Борис размялся. Обладая мальчишью понаправу! Ах, как жалко себя, бедного!
 — И вовсе не жалко. При чем тут жалко? — А в самом рассыде на газав. — Но почему... почему так? Как ИМ — так все можно: и клеветать, и оскорблять! Потому что они взрослые учителя, да? А мне... мне даже правду сказать нельзя! Еще бы! Мальчишка! Ничтожество.
 — Мальчишка — это точно, — соглашалась Полина Викторовна. — Но зачем же ничтожество? Я, например, не считала тебя ничтожеством.
 — Но и же ей правду сказал! — чуть ли не бьет себя кулаком в грудь. — Она — несправедливый и злой человек. Правд не так?
 — Эх ты, знаток человеческих душ! Инна Фадеевна — вовсе не злой, а просто большой и надорванный человек. И очень самолюбивый. Я думаю, вроде тебя. Мог бы и сам догадаться — не мальчишья.
 — А чего она? — надула губы, как обиженный перерожденка. — А чего? Сама не видела, а орет: «Это он! Это его проделки! Он всегда назло мне». Ха, назло! Я тут дурак, чтобы такое назло? — усмеяется презрительно.
 Да уж если б он решился им отместку, то наверняка придумал что-нибудь поумнее. И, разумеется, повнушительнее.
 Ох, Борька! — покачала головой — с тобой не заскутасы!
 — Ну я и сказал...
 — Он сказал!
 Удар этот, конечно, был куда чувствительнее, для учительского самолюбия, чем пресловутые красные штаны. Вот у них и пошло-поехало! Цепная реакция. Снежный ком. Снежный ком... Бесконечная спираль зла... Пока кто-то не догадается замкнуть круг, останутся на себе, не переставая его дальше. Об этом она только сегодня говорила с начальником детского приемника-распределителя Гвардейским. Вот и прозвонилось. Но только молча еще Борька, вряд ли дойдет до него такая премудрость. А все-таки стоить попробовать.
 — Да, товарищ дорогой! На удар ты ответил двойным ударом.
 — Ответил. Ну и что?
 — Молодец! Куда как достойно!
 — А что мне оставалось делать?
 — Да, безвыходное положение. Непременно надо было

тогда каждый... — Борис сжал кулаки, готовый, кажется, всерьез драться за свое достоинство.
 Борь, — Полина добродушно до его лежащей на столе руки. — Выслушай меня спокойно, Борь. И постараюсь понять. Инна Фадеевна — ошиблась в своем осуждении. А почему — ты не думал?
 — Почему? Да она меня терпеть не может! Всегда придерется. Первый раз, что ли? Винават — не винават, а она орет: «Это Петровский! Это его проделки». Везде Петровский. А я ничего не делаю. Да я и не знал даже про эти трусы. Меня, если хотите звать, и на физкультуре-то не был.
 — Правильно. Тебя не было. И ты ничего не делал. А если уж совсем честно, положила руку на сердце? Разве Инна Фадеевна не чувствовала на каждом уроке, не ощущала постоянно твою враждебность, твою готовность бы удару? Знал бы ты, как оно нматывает человека, это вечное состояние войны! Вот и сорвалась женщина. Женщина, Борис! И если б ты не ответил ей в тот горячий момент дерзостью, смолчал бы с достоинством настоящего мужчины, то истина вскоре бы обнаружилась, и Инна Фадеевна поняла бы, что обидела тебя напрасно.
 — Это теперь — из-за твоей дерзости — она считает себя обиженой, а следовательно, и правый. Вот такие дела, друг мой ситный! — не удержавшись, провела рукой по его взлохмаченной шее. Держу голову, отстраняюсь: дерн, мол, чего, как-то то телячьи нежности!
 — Эх, Борька! Все мы люди, не ангелы. Взрослые ли, дети, учителя, ученики. У каждого свои слабости, свои болевые точки. Все мы ошибаемся, все страдаем. А надо так мало — научиться понимать друг друга, чтобы не ранить больно, щадить. — Выгнула на часы. — Ого! Уже второй час доходит. Может, позвонить маме — она наверняка не спит и останется у меня! Раскладушка найде-ся.
 — Нет, поеду.
 — Домой?
 — А куда же еще?
 — Может, ехать в аэропорт?
 Улыбнулся, слава богу!
 — А деньги, что жоб у Беря.
 — Дадно. Не надо пока.
 — Хорошо. Пусть лежат. Если надуешься бежать — можешь забирать.
 На пиджаке остановился, покрутил головой:
 — Что-то я совсем запутался.
 — Э, мой друг! Тяжкая это наука — жить с людьми.

// Кузбасс, 1982,
 26 августа, с. 4
 (текст см. на следующих
 слайдах. ОКОНЧАНИЕ)